

прагматичные цели. Во-первых, Белый дом стремится привлекать подшефные миротворческие силы к зарубежным операциям под эгидой НАТО. Во-вторых, миротворчество используется как прикрытие для распространения военной деятельности Североатлантического альянса на государства ОДКБ. В-третьих, обмен опытом по линии спецподразделений позволяет получать информацию об оборонных возможностях союзников России и служит подготовкой собственного спецназа к действиям за рубежом.

Таким образом, заключает Д. Попов, анализ американско-таджикистанских отношений показывает, что на текущем этапе республика не относится к числу главных внешнеполитических приоритетов США на постсоветском пространстве. Однако это не означает, что Таджикистан полностью выпал из центральноазиатской стратегии США. Удерживать его в фокусе внимания американской внешней политики будет стремление Вашингтона сохранить доступ в Афганистан и сдерживать развитие геополитических конкурентов в лице Москвы и Пекина. Не поставлена точка в вопросе возможного членства РТ в Евразийском экономическом союзе.

Автор реферата В.Н. Сченснович

Сченснович В.Н.,
научный сотрудник ИНИОН РАН
ТУРКМЕНИСТАН: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА
(Аналитический обзор)

***Аннотация.** В обзоре рассматривается динамика внутренних процессов в Туркменистане в годы перестройки. Дается анализ перемен элитных структур в республике в конце 1980-х – начале 1990-х годов, характеризуется авторитарный режим С. Ниязова. Говоря о современном этапе развития РТ, исследователи раскрывают основные моменты новой комплексной инновационной международной политики культурного объединения, заявленной президентом Туркменистана Г. Бердымухамедовым. Особое внимание уделено проблемам экономики республики, в частности приоритетной сегодня газовой отрасли.*

***Ключевые слова:** Туркменистан (РТ); перестройка; С. Ниязов; авторитарный режим; Г. Бердымухамедов; инновационная международная политика культурного объединения; государственный нейтралитет; внешнеэкономическая деятельность; Россия; Центральная Азия;*

Южная Азия; Саудовская Аравия; Иран; США; транзит энергоносителей; газовые трубопроводы; безопасность.

Введение

Обозревая недавние публикации по Туркменистану, прежде всего нужно отметить, что политологи обращаются к дискутируемой сегодня теме авторитаризма власти. Властные структуры республики не были заинтересованы в открытии общества и политической культуры и старались закрепить обретенные позиции. А у более открытых к переменам слоев общества не находились рычаги давления, которые могли бы изменить позицию власти. С точки зрения сегодняшнего дня и с учетом централизации и персонификации власти, а также характера лидера шанс для альтернативного и более открытого развития политического устройства и политической культуры был маловероятным. Исследователи показывают также основные моменты новой комплексной инновационной международной политики культурного объединения, заявленной президентом Республики Туркменистан Г. Бердымухамедовым. Во внешнеэкономической политике Ашхабада приоритетной сегодня стала диверсификация маршрутов поставки газового топлива на внешние рынки, которой также уделено внимание в обзоре.

Туркменистан в годы перестройки (1890–1991)

Исследователь из Чехии С. Горак (Карлов ун-т, Прага) в статье «Туркменистан между 1989 и 1991 гг.: Был ли шанс альтернативного развития?» [1] утверждает, что в последние годы существования Советского Союза в Туркменистане четко обозначились тенденции к авторитарному развитию государства, которые в полной мере проявились после распада СССР. Автор статьи рассматривает проблемы, которые привели страну к авторитарному режиму. Существенным фактором являлись личностные характеристики первого лица государства. Именно эти факторы сдерживали альтернативные возможности, которые были в дальнейшем практически задушены. С учетом нынешних знаний исследователь делает предположение, что события 1989–1991 гг. до сих пор определяют безальтернативную траекторию развития страны, была создана

политическая культура, которая определила развитие независимой страны на несколько десятилетий, даже поколений, вперед.

Анализ внутриэлитной борьбы в Туркменской ССР к концу советского периода показывает, что в период брежневского застоя стабильность была одним из решающих факторов советского и, в частности, центральноазиатского пространства. Для этих целей были избраны лица, близкие Брежневу, как в случае Ш. Рашидова в Узбекистане, или люди, назначение которых должно было сбалансировать разные элитные группировки. Последний фактор стоял за назначением М. Гапурова Первым секретарем ЦК КП Туркменистана. Этот деятель был представителем нестоличной группировки, противником центрального ахалтекинского клана. Понимая стремление столичных кланов к власти, он подвергал репрессиям их самых ярких представителей, в частности из культурной среды.

В этой среде и политической культуре сформировалась карьера будущего Первого секретаря страны – С. Ниязова. Сам будущий президент работал тогда в ЦК КП Туркмении и с 1980 г. стал Первым секретарем Ашхабадского обкома партии. С. Ниязов – представитель столичного клана, в 1984 г. стал первым лицом республики, несмотря на то что он не происходил из знатного рода ахалтекинцев. Для укрепления лояльности к «центру», Ниязов проходил, вопреки сложившимся традициям, годовую «стажировку» в Москве. Таким образом, Москва получила лояльную себе фигуру, которой было предназначено сохранить в республике спокойствие. Кажется, полагает С. Горак, что Ниязов понял свою роль и до конца СССР играл роль «сторожа порядка в республике», оставаясь более лояльным советскому центру, чем к «своему» клану. Не будучи типичным «перестроечным» лидером, он с самого начала пресекал любые попытки альтернативного развития в стране. В Туркменистане у него не было на кого опереться и, не желая потерять власть, он должен был единолично контролировать все важные политические, кадровые, а также идеологические процессы в республике.

Вышеперечисленные факторы необходимо дополнить и характером самого Ниязова, который был, с одной стороны, довольно жестким по отношению к подчиненным, с другой – чрезвычайно лояльным по отношению к вышестоящим институтам. На основе психологического анализа личности Ниязова можно сказать, что данный аспект играл ключевую роль при установлении политической культуры независимого Туркменистана. Личностный фактор,

исторический опыт и политическая культура в стране стали причинами подавления любого течения, потенциально угрожающего положению Ниязова в советской республике, а впоследствии – для установления личной власти уже в независимом государстве, утверждает автор статьи.

С. Горак показывает, что в 1989–1991 гг. были и альтернативные власти течения. Начиная с 1988–1989 гг., особенно в среде туркменской интеллигенции, проявилась попытка более активного участия в процессах перестройки в республике. Создавались альтернативные действующей власти группы, которые преследовались. Одной из первых стала Агзыбирлик («Единство»). Они занимались вопросами возрождения туркменской культуры, повышением статуса туркменского языка, проводили откровенные дискуссии о переосмыслении туркменской истории, особенно XIX и XX вв. В 1989 г. была основана Партия демократического развития Туркменистана, которая успела провести в 1989–1991 гг. три съезда. Во главе этой партии стоял преподаватель Политехнического института и с 1988 г. видный оппозиционер туркменского истеблишмента Д. Ходжамухаммедов. Союз писателей стал еще одним центром альтернативных мнений и прямой оппозицией Ниязову. Члены Союза писателей и других творческих союзов были частично связаны с Агзыбирликом и другими оппозиционными течениями. Некоторые члены Союза писателей откровенно выражали недовольство режимом Ниязова, и газета «Эдебият ве Сунгат» стала платформой для выражения этого недовольства. К альтернативным движениям можно причислить и созданный в Академии наук в 1991 г. неофициальный дискуссионный клуб Пайхас, которым руководил историк и демограф Ш. Кадыров. Эта относительно немногочисленная группа, однако, сумела проникнуть со своими идеями и дискуссиями в туркменские СМИ, тогда еще не полностью охваченные ниязовской цензурой. Но и эта структура была со временем ликвидирована, а сам Кадыров был вынужден в 1992 г. эмигрировать.

С. Горак отмечает попытку выработать совместную платформу, объединяющую все оппозиционные силы. Собрание представителей оппозиционных групп произошло в августе 1990 г. Однако здесь уже проявились слабость оппозиции, ее ограниченное влияние на ситуацию в стране, а также разрозненность взглядов ее лидеров. С другой стороны, Ниязов был уже более уверенным в своей позиции с консолидированным окружением и, самое важное, – с репрессивным аппаратом, на стороне которого стояла

сила. Оппозиция не обладала влиянием во властном аппарате, и Ниязов, используя неспособность оппозиции договориться о стратегии противостояния, а также о едином представителе, сумел легитимизировать свое лидерство на безальтернативных президентских выборах в октябре 1990 г.

После провозглашения суверенитета Туркменистана в 1990 г. все яснее стал проявляться разрыв между сторонниками консервативного порядка и альтернативным движением. Оппозиция подавлялась весьма разнообразными средствами. Одним из методов было запрещение публикаций для некоторых потенциально влиятельных авторов в республиканских газетах и журналах, не говоря уже о телевидении.

С 1990–1991 гг. начались под разными предлогами аресты самых видных представителей Агзыбирлика, включая самого Ходжамухаммедова. Партия демократического развития фактически прекратила свою открытую деятельность весной 1992 г. в связи с наступлением на все оппозиционные структуры в стране.

Ниязову удалось использовать государственный и силовой аппарат для того, чтобы отстранить или ограничить влияние альтернативных центров мышления. Интеллектуальные группы могли лишь частично использовать центральную советскую печать для выражения своих мыслей, однако они не обладали никакими рычагами влияния для того, чтобы изменить ситуацию в республике. Некоторую роль сыграла разрозненность и раздробленность оппозиционных Ниязову групп, у них отсутствовала поддержка большинства регионов республики.

В условиях отсутствия поддержки из Москвы после попытки государственного переворота – ГКЧП в Москве – репрессивный и авторитарный способ политики стал для Ниязова, с его точки зрения, единственным для сохранения власти. Его позиции в самом Туркменистане настолько укрепились, что у оппозиции или других клановых структур уже не было возможности предпринять никаких шагов для предотвращения курса к авторитаризму. События осени 1991 г. таким образом окончательно определили траекторию развития Туркменистана к централизованной личной власти, делает вывод исследователь.

Туркменистан на современном этапе: Политика культурного объединения

По убеждению авторов статьи «Туркменистан и глобализирующийся мир: Инновационная политика культурного объединения», доктора экономических наук, доцента К.В. Лосева и доктора исторических наук, доцента В.В. Михайлова (Санкт-Петербургский гос. ун-т аэрокосмического приборостроения) [2], системный ряд формообразующих моментов в политике туркменских лидеров и туркменского правительства можно назвать элементами новой комплексной инновационной международной политики культурного объединения, заявленной президентом республики Г. Бердымухамедовым. Провозглашение постоянного нейтралитета 12 декабря 1995 г. на основании Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 50/80 стало первым шагом молодого туркменского государства на пути к становлению международной и региональной политики нового типа, политики, до сих пор являющейся парадигмальной для современного глобализирующегося мира.

В условиях трансформации международных систем, перехода от биполярного мира к другим формам международного лидерства нейтралитет является действенным средством сохранения культурных и национальных ценностей, гарантом примата гуманитарных и общечеловеческих целей в политике.

Политика государственного нейтралитета, подчеркивают исследователи, позволила Туркменистану произвести реформирование внутренней политики и экономики, необходимое на первых этапах самостоятельного развития государства, и создать условия для последующей инновационной политики национального и общетюркского культурного объединения. Туркменистан активно участвовал в разработке и принятии международных и региональных проектах по развитию инноваций, таких как «Стратегия экономического развития СНГ до 2020 г.», которая определила главные принципы инновационной экономики: принцип ориентации на всемерную поддержку базисных инноваций, составляющих основу современного технологического уклада; принцип сочетания государственного регулирования инновационной деятельности с эффективным функционированием конкурентного рыночного механизма; принцип содействия развитию международного трансферта технологий и инвестиционному сотрудничеству, защиты интересов инновационного предпринимательства. В дальнейшем инновационное развитие экономики продолжало оставаться

приоритетом в политике руководства Туркменистана. Был открыт Центр технологий АН, регулярно проводились международные форумы, посвященные инновационным технологиям, инновационной экономической политике, оценке и эффективности инноваций.

Авторы статьи отмечают гармоническое соотношение добывающей, производящей и региональной транзитной экономической политики страны. Реализация инновационной экономической политики невозможна без правильного распределения сфер реальной экономики, недопущения превращения ее исключительно в сырьевой, либо производящий субъект мировой экономики. Экономика Туркменистана развивается в соответствии с интересами всей страны в целом, а не ее отдельных отраслей или олигархических структур. Так, практика торговли энергоресурсами на границе дает возможность гибко подходить к вопросу развития сферы переработки, одновременно получая прибыль от торговли сырьем.

Газовая отрасль – пример внешнеэкономической деятельности Туркменистана

Кандидат исторических наук Е.П. ИONOBA (ИМЭМО РАН) в статье «Туркмения: Поиск новых газозэкспортных маршрутов» [3] отмечает, что после обретения независимости экспорт «голубого топлива» стал основой экономики страны, и начиная с середины 1990-х годов диверсификация маршрутов его поставок на внешние рынки приобрела приоритетное значение во внешнеэкономической политике Ашхабада. В этот период зародились планы строительства газопровода в Южную Азию (ТАПИ) и Транскаспийского газопровода (ТКГ) для транспортировки туркменского сырья в Европу.

После прокладки газопровода в Китай именно Поднебесная стала главным, а в последние годы – практически единственным покупателем этого сырья. В 2017 г. на долю КНР пришлось более 90% всего объема экспорта туркменского газа (33,6 млрд куб. м), что на 13% превысило показатель за 2016 г. В первом полугодии 2018 г. тенденция наращивания поставок «голубого топлива» в КНР сохранилась: их объем на 18,8% превысил показатель за аналогичный период 2017 г. Вместе с тем следует учитывать, пишет Е. ИONOBA, что доходность экспорта газа в КНР ограничена, поскольку значительная часть прибыли от его продажи идет на погашение китайских кредитов, полученных Ашхабадом для раз-

работки и обустройства нефтегазовых месторождений, а также строительство газопроводов. В итоге Ашхабад, в свое время форсировавший строительство туркмено-китайского газопровода с целью избежать зависимости от России, в лице КНР приобрел менее выгодного по сравнению с РФ партнера. Сейчас Ашхабад стремится ослабить сложившуюся зависимость от КНР и рассматривает альтернативные маршруты экспорта газа, в том числе и в РФ. Возобновление после «коммерческой паузы» экспорта туркменского газа в Россию может способствовать укреплению сотрудничества двух стран в целом, а также снижению заинтересованности Ашхабада в альтернативных маршрутах экспорта газа в обход РФ, считает исследователь.

Далее автор статьи рассматривает продвижение проекта ТАПИ – газопровода из Туркмении в страны Южной Азии. Общая протяженность трубопровода ТАПИ должна составить 1814 км, из которых 774 км приходится на территорию Афганистана. Проектная пропускная мощность магистрали составит 33 млрд куб. м в год, ввод в эксплуатацию намечен на 2019–2020 гг. С самого начала возникновения этого проекта в 1990-е годы безопасность его строительства, а в дальнейшем – функционирования на территории Афганистана вызывала большие сомнения. Ситуация в этой стране, где не прекращаются боевые действия и террористические акты, отпугивала потенциальных инвесторов. Сложности с финансированием проекта стали главным препятствием для реализации ТАПИ. Однако в последние годы Ашхабаду удалось заручиться поддержкой ряда международных финансовых организаций, заявивших о готовности участвовать в финансировании ТАПИ. В 2016 г. власти республики сообщили о получении от Исламского банка кредита в размере 700 млн долл. Туркмения также возлагает надежды на Азиатский банк развития, совет директоров которого в 2017 г. одобрил пятилетнюю стратегию партнерства с Туркменией, включающую помощь для строительства ТАПИ. В мае 2018 г. поступила информация о намерении Саудовской Аравии выделить средства на этот проект.

Исследователь отмечает, что проект ТАПИ изначально имел не только важное экономическое значение, в первую очередь для Туркмении и Афганистана, но и явно выраженную геополитическую окраску. Лоббируемый США, он был направлен на создание транспортных газовых потоков из стран ЦА, альтернативных российскому направлению, что должно было способствовать отрыву центральноазиатских стран от РФ. Москва не раз заявляла о готов-

ности участвовать в проекте. Вступление РФ в проект ТАПИ могло бы укрепить безопасность трубопровода и в целом усилить влияние России в регионе.

Помехой в реализации проекта ТАПИ становится конкурирующий с ним проект газопровода Иран – Пакистан – Индия, который в настоящее время реанимирован Тегераном и вызывает интерес у потенциальных инвесторов. Преимущества этого проекта заключаются в том, что он предполагает транспортировку газа не через территорию беспокойного Афганистана, а напрямую в Пакистан. Идея этого проекта возникла еще в середине 90-х годов, однако из-за разногласий между странами-участниками к его реализации так и не приступили. Иран, правда, успел проложить трубу до границы с Пакистаном. Препградой стало также противодействие Вашингтона, обусловленное его позицией по Ирану, и в частности антииранскими санкциями. Таким образом, с ТАПИ связано обострение геополитических противоречий в Южной Азии. Не исключено, как считают наблюдатели, что именно активизация Ирана на этом направлении побудила Саудовскую Аравию принять участие в финансировании ТАПИ. По их мнению, это предложение сделано по инициативе США, которые заинтересованы в том, чтобы иранский проект не был реализован. Е. Ионовна отмечает, что Иран становится прямым конкурентом Туркмении и на других маршрутах экспорта газа.

Среди рисков, связанных с ТАПИ, на которые указывают эксперты, – напряженные отношения между странами – участниками проекта, что может значительно осложнить ход его реализации, а в случае его постройки – стать причиной постоянных срывов в его работе. Они считают, что Исламабад может использовать трубопровод в качестве инструмента устрашения Нью-Дели, а в ответ Индия в любой момент может выйти из ТАПИ. Однако в центре внимания остаются риски, связанные с обеспечением безопасности газопровода. При этом угрозы могут исходить не только и не столько от афганских талибов, которые даже поддерживали проект ТАПИ, а в гораздо большей степени – от боевиков ИГИЛ, вытесненных из Ирака и Сирии. Таким образом, полагает исследователь, если бы не риски, связанные с проектом, он мог бы принести значительную пользу странам-участникам. Благодаря ТАПИ Афганистан смог бы получать 14 млн куб. м газа в сутки, а Пакистан и Индия – по 38 млн куб. м. Кроме того, создание газопровода могло бы улучшить внутриэкономическую ситуацию в этих странах, способствуя снижению уровня безработицы. Ожи-

дается, например, что реализация проекта сможет обеспечить работой более 12 тыс. афганцев.

Исследователь обращается также к Конвенции о правовом статусе Каспийского моря и проблеме Транскаспийского газопровода. Подписание 12 августа 2018 г. в казахстанском Актау президентами пяти прикаспийских государств – России, Казахстана, Азербайджана, Туркмении и Ирана – Конвенции стало завершением более чем 20-летней истории сложных переговоров по разделу акватории и дна Каспия, а также по вопросу обеспечения безопасности в Прикаспийском регионе. Документ узаконил доступ пяти стран к ресурсам Каспия – нефти, газу и рыбе. Большая часть акватории и биоресурсов Каспия остается в общем пользовании. Границы между территориальными водами сопредельных государств устанавливаются на основе двусторонних договоренностей. Схожим образом решена и проблема прокладки трубопроводов. Признано право Прикаспийских государств прокладывать трубопроводы по дну моря, не получая одобрения всей пятерки, а лишь на основе договоренностей со странами, через сектор которых будет проложена труба. Таким образом, документ носит компромиссный характер, и многие вопросы предстоит еще решить. Тем не менее для Ашхабада Конвенция открывает перспективы по созданию Транскаспийского газопровода (ТКГ), поскольку неурегулированный статус Каспия всегда считался главным препятствием для этого проекта.

Заключение

Если 1989 год в Туркменской ССР приоткрыл возможность реформы правления, то последующее уничтожение всех альтернатив Туркменской ССР в 1989–1991 гг. свело такую возможность на нет и определило авторитарный характер Туркменистана на несколько поколений вперед. Туркменистан в конце перестройки надолго потерял шанс стать более открытым обществом, подчеркивают сегодня политологи. Рассматривая современный этап развития страны, авторы статей показали основные моменты новой комплексной инновационной международной политики культурного объединения, заявленной Президентом Республики Туркменистан Г. Бердымухамедовым. Выделены следующие лозунги этой политики: политика государственного нейтралитета; развитие инновационного типа экономики; гармоническое соотношение добывающей, производящей и региональной транзитной экономи-

ческой политики; политика «культурного нейтралитета» в региональном масштабе; гармония политики и экономики в культурно-образовательном пространстве; инновационная политика в области международных отношений.

Успехи экономического, внутри- и внешнеполитического развития Туркменистана привели к интенсивному культурно-политическому сотрудничеству государства не только с соседними странами и традиционными партнерами, но и на уровне общемировых организаций. Туркменистан сегодня является признанной международной переговорной площадкой по большинству значимых проблем современности: экономики, экологии, международной безопасности, культурного сотрудничества. Исследователи указывают, что непрерывный рост международного авторитета принципов позитивного нейтралитета представляет собой один из неоспоримых и важных факторов успешности Туркменистана во внутреннем развитии и на мировой арене.

Обращаясь к внешнеэкономической деятельности Туркменистана, необходимо отметить приоритетное значение газовой отрасли республики. В центре внимания находятся риски, связанные с безопасностью газопроводов. Для реализации газоэкспортной стратегии Туркмении решающее значение приобретает обеспечение безопасности в стране, что напрямую связано с ее способностью отражать внешние угрозы (например, угрозы со стороны Афганистана). Ашхабад заявил о готовности сотрудничать с Россией в области безопасности. Наблюдающееся сближение двух стран, безусловно, выгодно и России, и Туркмении. Для Ашхабада это облегчает поиск компромиссов при решении спорных вопросов, связанных с продвигаемыми им проектами новых маршрутов экспорта газа. В более широком смысле – поддержка России укрепляет позиции Туркмении перед лицом внешних угроз.

Нацеленная на долгосрочные перспективы развития экономическая политика Туркменистана является взаимовыгодной как для России, получающей доход от торговли туркменскими энергоносителями и их транзита, так и для самой Туркмении, дающей ей выход на крупнейшие мировые рынки энергоносителей. Туркменистан занимает важнейшее геополитическое и геоэкономическое положение с точки зрения как интересов мировых развитых держав, так и государств Центрально-Азиатского и Каспийского регионов. Страна находится на пересечении важнейших евроазиатских торгово-экономических маршрутов, что во многом определяет современную внешнюю политику Туркменистана.

Туркменистан, лишь в конце XX в. обретший суверенитет, за 25 лет самостоятельного развития сумел не только сохранить политическую стабильность и экономическую независимость, но и стать одной из влиятельных глобальных и региональных стран. Современный Туркменистан, считают исследователи, имеет все возможности для того, чтобы его опыт государственного становления и развития, а также опыт взвешенной, бесконфликтной и гуманитарно направленной международной политики получил должную оценку экспертов по международным отношениям и стал эффективным примером в создании и реализации новых стандартов практических межгосударственных отношений.

Литература

1. Горак С. Туркменистан между 1989 и 1991 гг.: Был ли шанс альтернативного развития? // Вестник Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына. Бишкек, 2016. № 4 (87). С. 154–164.
2. Лосев К.В., Михайлов В.В. Туркменистан и глобализирующийся мир: Инновационная политика культурного объединения // Актуальные проблемы экономики и управления. Санкт-Петербург, 2017. № 4 (16). С. 121–126.
3. Ионова Е.П. Туркмения: Поиск новых газозэкспортных маршрутов // Россия и новые государства Евразии. М.: ИМЭМО РАН, 2018. № 3. С. 83–96.

*Обзор написан специально
для бюллетеня «Россия и мусульманский мир»*

Дехканов М.Р.,

докторант национального университета
Узбекистан (НУУз)

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ СЕМЕЙНО- БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ИСЛАМЕ (На примере Узбекистана)

Аннотация. В статье анализируется взаимосвязь процессов формирования семейно-брачных отношений и исламских ценностей на примере Узбекистана: прослеживается благотворное влияние ряда положений Корана и хадисов на укрепление семей и формирование в них здорового морально-психологического климата. Автор показывает большую ответственность родителей, а также общественности – махалли – в деле воспитания детей.